

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В АНТИУТОПИИ О. ХАКСЛИ «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»

Л. Ю. Стрельникова

Армавирский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 16 января 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается антиутопия английского писателя Хаксли «Возвращение в дивный новый мир», которая является своего рода проверкой футуристической теории романа «О дивный новый мир». Цель исследования — рассмотреть произведение Хаксли с позиций перспективы реализации его проекта в обозримом будущем и выявить влияние взглядов Хаксли на творчество современных писателей — авторов антиутопий.

Ключевые слова: Хаксли, антиутопия; научный прогресс; дегуманизация; демократия; диктатура; генетика.

Abstract: the article examines O. Huxley's dystopia "Brave New World Revisited" which is a kind of test of the futurist theory of the novel "Brave New World". The purpose of the study is to examine the work of O. Huxley from the perspective of the realization of his project in the foreseeable future and to show the influence of Huxley on creativity of modern writers-authors of dystopias.

Keywords: Huxley; dystopia; scientific progress; dehumanisation; democracy; dictatorship; genetics.

Создатели утопий во все времена исходили из рациональных суждений о причинах возникновения социально-политических и экономических проблем в государстве, но в то же время уповали на некие фантастические изменения несовершенной и жестокой действительности. В объяснении и устранении недостатков общественной жизни ученые и гуманисты разных эпох, от античности до Ренессанса и эпохи Просвещения, видели достижение мечты об идеальном обществе (Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, С. де Бержерак, Г. Невилл, С. Батлер и др.). «Утопическое творчество, — по замечанию М. Шадурского, — приводится в движение не только и не столько отчаянием по поводу полной недостатков социальной реальности, сколько надеждой на совершенное переустройство мира» [1, 10]. Одновременно с надеждой на создание некоей общественной идиллии возникают и антиутопические настроения, скепсис в отношении осуществления идей о построении идеального государства (Г. Гриммельсгаузен, Д. Свифт). Цивилизация как идеал прогресса, выстроенный на основе достижений всемогущего человеческого разума, показала свою несостоятельность в силу оторванности человека от духовных основ жизни, высокомерного презрения к «наибольшей заповеди»: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39).

К XX веку в литературе и общественных науках оформляется жанр антиутопии (дистопия), выявивший недостижимость мечты об идеальном государстве. Онтологической основой антиутопии выступала уже не надежда на преодоление проблем в экономи-

ческой и общественной жизни, а безнадежность, «абсолютный страх» перед будущим, создание в произведении «совершенно особой атмосферы, того, что принято называть "антиутопическим миром"» [2, 155]. Мечта об идеальных общественных отношениях, в представлении авторов антиутопий, недостижима, поскольку разбивается о субъективно-эгоистическое желание творцов счастливого будущего воплотить мечту о «золотом веке» «с присовокуплением подробной росписи где-кому-с-кем-и-как-быть непременно счастливым» [3, 7].

К числу известных авторов-антиутопистов XX в. принадлежит английский писатель-интеллектуал О. Хаксли, чьи произведения часто рассматривались как пророческие по отношению не столько к будущему, сколько к настоящему времени. Антиутопия Хаксли «Возвращение в дивный новый мир» (1958) [4] продолжает пессимистические рассуждения писателя на тему мироустройства и развития современного постгуманистического буржуазного общества, начатые в романах «Контрапункт» (1928) [5], «О дивный новый мир» (1932) [6]. Книга «Возвращение в дивный новый мир» представляет собой собрание очерков, отражающих взгляды автора на современное состояние государственного устройства с точки зрения биотехнологий и психоанализа. Размышления Хаксли сохранили свою актуальность, получив развитие в художественной прозе второй половины XX — начала XXI вв. в таких произведениях, как «Планиета обезьян» П. Буля (1963) [7], «Элементарные частицы» (1998) [8], «Покорность» (2015) М. Уэльбека [9], «Не отпускай меня» К. Исигуро» (2005) [10], «Генезис 2075» Б. Беккета (2006) [11] и др. По наблю-

дениям И. Головачевой, Хаксли «первым заговорил о возможностях, которые предоставляют посткапиталистической экономике новые методы репродукции и генной инженерии, он первым начал фантазировать о тех перспективах, что открывают новые психоактивные вещества психотерапевту, мистику, художнику и даже политику» [12].

В «Возвращении в дивный новый мир» Хаксли рассматривает процесс эволюции массового общества потребления и буржуазной деловитости эпохи установления нового глобалистского миропорядка. Писатель сопоставляет «золотой век» западной буржуазной цивилизации 1950-х годов с недалеким антиутопическим будущим «дивного нового мира». Ставшие актуальными вопросы осмысления переустройства мира позволяют рассматривать «Возвращение в дивный новый мир» в свете дегуманизации сознания XX века, предвдаря идеологию постгуманизма. Гуманизм античности, перешедший в ренессансную эпоху, со временем видоизменился, утратив догматику антропоцентризма, и трансформировался в постгуманизм XXI в., центральной идеей которого является изменение и улучшение обитаемой среды и биологической природы человека с помощью научно-технических достижений. Гуманистическая догма о человеке как высшей цели мироздания трансформировалась в политике и общественном сознании XX и XXI века в идеологию либерализма, сохранив принцип индивидуализма и приоритет субъекта над историческими и природными законами, что нашло отражение в трудах Г. Спенсера, А. Вебера, считавших, что вся деятельность человечества определяется индивидуальным сознанием.

Существенное влияние на формирование Хаксли как писателя и философа оказал его дед — биолог-эволюционист Томас Хаксли, сторонник дарвинизма и материалист, вдохновитель идей Г. Уэллса, чьи интересы распространялись и на вопросы о переустройстве мира. Доктор биологии и фантаст-руссоист Уэллс выдвигает идею так называемой «социальной хирургии» в своем публицистическом романе «Современная утопия» (1905), предлагая социально и генетически неблагополучных людей, к которым относятся «низшие» (*base*): инвалиды, психически больные, склонные к алкоголизму, умственно отсталые, изолировать от нормального общества на некие острова: «Ты не хочешь подчиняться нашим законам — ступай и живи отдельно как знаешь» [13].

Хаксли также был сторонником мальтузианской идеи сокращения народонаселения, видя в этом перспективы счастливого и комфортного будущего человечества: «Перенаселение ведет к экономической нестабильности и политическим волнениям» [4, 22]. В этом же духе рассуждали эволюционисты и дарвинисты Г. Спенсер [14] и А. Вебер [15], сочетая проповедь гуманизма и отстаивание идеалов свободы с переживаниями о неконтролируемом росте населения.

В результате сокращения населения, по мнению западных идеологов нового миропорядка, «возникнут совершенно иной духовный климат и совершенно иные возможности существования» [15, 210]. Но Хаксли заблуждается, поскольку богатая элита никогда не откажется от накопительства, что будет стимулировать ненависть к народным массам.

Оказалось, что цивилизованные люди, «носившие шляпы, ежедневно принимающие ванну и ходившие по воскресеньям в церковь, стали совершать злодеяния, которые не снились темным африканцам и азиатам» [4, 52]. Налицо двойная мораль и двойное дно демократии, интересы которой отстаивает Хаксли, видя в сокращении населения благо для эффективного развития общества. Внедрение бесчеловечных законов демократического глобального мира обеспечат более комфортное существование общества при условии ограничения роста населения: чем меньше людей, тем больше свободы и материальных благ — таков вывод Хаксли, выступающего за «мягкую» тиранию и поощрение желательного властям поведения.

В полностью организованной, «научно обоснованной кастовой системе» [4, 6], с ее заменой свободы воли на физиологические рефлексы, наркотический эликсир счастья и заключался тот новый миропорядок «дивного мира» Эры Форда, ставший в действительности кошмаром человеческой цивилизации, доведенной до абсурда. Следующим шагом в алгоритме общественного развития станут экономические вопросы, подчиняющие себе все морально-этические, культурные, религиозные нормы и достижения человечества. Вождевленное знание сформировало технократическую цивилизацию, направленную против массового человека, в угоду комфортной жизни богатого меньшинства. Хаксли говорит об установлении нового миропорядка, в силу чего многие станут средством манипуляций немногих, имеющих капитал, как, например, в США, где «большой бизнес контролируется властной элитой» [4, 32].

В основание теории будущего устройства мира Хаксли закладывает уже не только технический, но и биологический и психофизический фактор создания постгуманистической цивилизации на основе евгеники, генной инженерии и контроля численности населения. Хаксли осознавал современную ему эпоху как гибельную, поскольку к власти, как говорит писатель, приходят «безличные силы, которые нам практически неподвластны, упорно толкают нас в кошмар дивного нового мира» [4, 12]. Эти новые силы, за которыми невозможно установить контроль, исходят из законов природы, несмотря на самый высокий уровень цивилизации, а именно, проявляются на «биологическом уровне» [4, 12]. В эпоху господства дарвиновского учения человек рассматривается как дрессированное животное, существование которого обусловлено биологическими факторами и психофи-

зическим состоянием и умело используется властью при организации жесткой модели системы управления.

В контексте книги Дж. Оруэлла «1984» [16], разоблачающей деспотию тоталитарных режимов, Хаксли приводит пример неэффективного управления в условиях тирании «путем наказания за нежелательное поведение» [4, 9]. Управление обществом «с помощью наказания и страха наказаний» [4, 10] побуждает к сопротивлению и желанию индивида следовать своим устремлениям и желаниям. Примером удачной дрессировки человека в условиях тоталитарного режима Хаксли называет контроль «с помощью поощрения желательного поведения» в противовес «правлению, осуществляемому террором» [4, 9]. В качестве образца современной формы щадящей и даже гуманной тирании О. Хаксли предлагает Советскую Россию, где «поощрение желательного поведения начинает замещать старые методы контроля» [4, 10]. Хаксли отмечает привилегированное положение в иерархии советского общества представителей интеллектуального труда: инженеров, ученых, преподавателей и руководителей, получающих хорошую заработную плату, что является поощрительным фактором и повышает продуктивность работы.

В своей книге Хаксли описывает будущее, которое не может быть привлекательным, поскольку оно бесчеловечно. В основе социально-биологического проекта «дивного нового мира» Хаксли лежит концепция конца истории, гуманизма и самого человека, который и творит историю. Остается обезличенное массовое производство, для которого моральные и духовно-религиозные принципы не имеют значения, о чем автор заявит в предыдущем романе «О дивный новый мир»: «Благородство, героизм — это симптомы политической неумелости» [6, 261]. Человек как личность перестанет интересоваться крупными промышленниками и политических деятелей, управленцев. Устанавливается ситуация глобальной колонизации и подчинения большинства меньшинству: «Большой человек подчиняет, а затем просто пожирает человека маленького» [4, 31].

С биологической точки зрения утрата своей родовой принадлежности к человеческому роду влечет за собой и моральные изменения, а именно «душевную слабость» [4, 33], сопровождаемую невротическими симптомами. Стремясь объяснить явления и постичь законы природы, наука, в представлении Хаксли, сосредоточена на общих выводах о феноменах, игнорируя уникальность человека и делая его техническим приспособлением экономической машины. Отсюда проистекает страх перед свободой, данной ему достижениями науки и техники, что в действительности оборачивается новым рабством усиленной организации общества, превращающего человека в автомат и лишаящего его смысла жизни.

В технократическом обществе гуманистический тип личности трансформируется во фрейдовско-дар-

виновский образ человека-животного, наделенного в первую очередь инстинктами и борьбой за существование, но не волей и интеллектом. Всеобщая стандартизация и примитивное равенство на уровне элементарных организмов становятся новой формой тирании, поскольку, как считает Хаксли, «единообразия и свобода несовместимы» [4, 34] для *Homo sapiens*. Но в условиях чрезмерной организованности и установления порядка дух свободы ликвидируется, превращаясь в психологическую проблему для современного человека.

Анализируя моральное состояние современного общества, Хаксли приходит к мысли, что люди стали представлять собой некое единообразное общественное целое, чье поведение маркируется такими понятиями, как «приспособление», «адаптация», «социально ориентированное поведение», «приобретение социальных навыков», «работа в команде», «жизнь в группе», «лояльность в группе», «групповая динамика», «коллективное творчество» и т.п. [4, 41]. Если индивид нацелен на демонстрацию своей личностной автономности и всегда будет выступать нонконформистом, бунтарем по отношению к социальной тирании, то организованному человеку в силу его лояльности власти и подчиненности целям организации «дозволено быть богатым», но за счет утраты своей идентичности: он «смотрит в рот своим начальникам» и рассуждает по принципу, свойственному диктаторским режимам: "*Mussolini ha sempre ragione*" («Муссолини всегда прав») [4, 43].

К числу новых технологий по созданию идеально организованных людей относится «социальная инженерия», цель которой — дрессировка «подданных будущих диктаторов» [4, 46] кастового общества «дивного нового мира», как с иронией замечает Хаксли. Вопрос заключается в том, насколько люди подвержены такой дрессировке. В условиях чрезмерной организации стремление к «единению со своими братьями» [4, 47] в реальной жизни превращается в «прокрустово ложе» для большинства людей, не желающих жить по одним правилам. Социальные инженеры призваны «взламывать» человека и программировать его на совершение полезных и продуктивных действий в интересах определенной правящей группы, опираясь на привычку лояльности к авторитетному лицу.

Будучи приверженцем декларации демократических принципов Джефферсона, Хаксли приходит к убеждению, что экономическое состояние государства зависит от свободы каждого индивида и общества в целом. Опираясь на «врожденное чувство справедливости» [4, 50] и другие положительные качества, каждый человек получает «честный шанс» реализовать свои инициативы и быть защищенным в демократическом обществе с умеренной властью, которая опирается на добрую волю людей. Эффективность экономики, таким образом, прямо пропор-

циональна той свободе воли, которую дает власть обществу. И наоборот, как считает Хаксли, «ни один народ, находящийся в неустойчивом экономическом положении, не имеет честного шанса управлять собой демократическими методами» [4, 50].

В современном буржуазном обществе Хаксли выделяет два типа пропаганды: рациональную и иррациональную. Рациональная пропаганда предназначена для прослойки прагматичных индивидов, имеющих высокий социальный статус и материальную обеспеченность. В силу своего высокого материального и интеллектуального уровня, эти люди прагматичны и расчетливы, они не действуют спонтанно. Прежде чем приступить к конкретным действиям, они хладнокровно просчитывают свои шаги, делают прогнозы и составляют план действий (например, бизнес-план). На прагматичный тип мышления можно воздействовать только с помощью пропаганды, апеллирующей к разуму.

Иррациональная пропаганда рассчитана на толпу, массовое сознание тех эпсилон-полукретин из «О дивного нового мира», которыми легко управлять, не апеллируя к разуму, «предлагая ложные, искаженные или неполные свидетельства» [4, 53]. Под воздействие иррациональной пропаганды попадает массовый человек, у которого нет времени остановиться и задуматься над происходящим в силу того, что ему приходится много работать, выполнять тяжелый труд, отнимающий много сил и здоровья, чтобы удовлетворить базовые потребности, основанные на инстинктах. Простой человек становится жертвой пропаганды, изначально основанной на повторении двуличных «слов-ловушек», сочетающих «низменные страсти с высокими идеалами» [4, 54].

Рациональная пропаганда, рассчитанная на представителей высших каст — альфа, позволяющая сохранить личную свободу и демократию, все больше подавляется лозунгами, истинность которых игнорируется диктаторами, выдающими себя за демократов. На первый план выдвигается умение манипулировать массами с помощью одних и тех же повторяющихся лозунгов, внушаемых населению под видом правдивых фактов. Выработываемый по методике русского физиолога Ивана Павлова условный рефлекс массового сознания способствует формированию новой нормальности, диктуя новые правила поведения, разрушая при этом сложившиеся веками ценности и привычные нормы жизни. В ситуации искусственно созданного непрерывного стресса возникает утрата ощущения самодостаточности, человек погружается в атмосферу страха и неуверенности в себе и своем будущем, перестает разумно воспринимать реальность, что позволяет властям манипулировать каждым индивидом. Особенностью этого антигуманного метода Хаксли называет отсутствие физических пыток: «Стресс, тяжелый настолько, что-

бы спровоцировать полный отказ мозга от работы, можно вызвать с помощью методов, которые хотя и являются абсолютно антигуманными, не предусматривают физических пыток» [4, 96].

Методику воздействия через выработку условного рефлекса страха используют, как правило, диктаторы, атакуя сознание человека такими эмоциями, как страх, ярость, тревога. По мнению Хаксли, «если поддерживать эти эмоции на высоком уровне в течение достаточно длительного времени, «то мозг «объявляет забастовку»» [4, 98], что в итоге ведет к изменениям в центральной нервной системе. Умелая иррациональная пропаганда служит средством отвлечения населения от серьезных проблем. Первым примером такого отвлечения, воздействующего на страсти людей, служили «грандиозные развлечения», устраиваемые во времена Римской империи — «от поэтических пьес до гладиаторских боев» [4, 43]. По словам Хаксли, бесконечные навязываемые развлечения «уже сейчас угрожают утопить в море вздорной пустоты суть рациональной пропаганды, которая может способствовать сохранению личных свобод и демократических институтов» [4, 61]. Упомянутые грандиозные развлечения, предназначенные как для альфа-прагматов, так и для обывателя-эпсилон, приедаются. В итоге большая часть общества потребует рано или поздно разумной пропаганды и захочет рационального объяснения происходящих событий, не желая утонуть «в море вздорной пустоты» [4, 461].

Говоря о преимуществах демократии перед диктатурой, Хаксли отмечает необходимость уметь разумно и реалистично воспринимать информацию. На фоне того, что добросовестные публицисты стараются снабжать общество «адекватной информацией», демократическая пропаганда страдает, «так сказать, раздвоением личности» [4, 75]. Подобно фантастическим героям-двойникам Стивенсона доктору Джекилу и мистеру Хайду, пропагандисты демократических ценностей воздействуют как на разумную сторону сознания человека (доктор Джекил), так и на иррациональную (мистер Хайд). Поборником истины и разума становится доктор Джекил, контролером всего подсознательного и стихийного в человеке выступает мистер Хайд. В буржуазном обществе основным, по мнению Хаксли, становится «искусство продавать», все становится товаром, в том числе и информация. Поэтому более востребованной будет тактика коммерческого пропагандиста мистера Хайда, ориентированная на формирование идеального потребителя в условиях массового производства. Таким образом, «идеологический товар» [4, 88] продается дрессированному на основе условных рефлексов населению, не способному в условиях повышенного стресса к рациональному анализу. Даже в самых развитых демократиях мира, делает вывод Хаксли, пропагандисты действуют по психо-

логическим методикам мотиваций подсознательных желаний мистера Хайда, «апеллируя практически исключительно к невежеству и иррациональности электората» [4, 90], упрощая сложные вещи. Современная методика по промыванию мозгов является гибридной и учитывает как диктаторские способы насильственного управления, так и биологический метод психологических манипуляций. Разные по уровню развития и восприимчивости касты подвергаются различным методам дрессировки: от заложенных на генетическом уровне функций «жить, работать и умирать без всяких протестов, не создавая проблем высшей касте», до менее ригидных представителей сильных мира сего, подвергнутых лишь «легкой дрессуре» [4, 107]. Делом будущего остается создание методов «универсальной дрессировки», которые заменят «временные методики промывания мозгов» [4, 107] и позволят проложить путь к общечеловеческому «дивному новому миру».

К психологическим и насильственным методам манипуляции человеком Хаксли присоединяет химический способ убеждения, то есть воздействие на сознание с помощью наркотиков. В «О дивном новом мире» употребление наркотика сомы стало политическим институтом, поэтому он был легитимен, являясь «страховкой от неверных умонастроений и социального недовольства» [4, 110]. Сомы становилась религией, подменяя понятия истинного и ложного, и выдавая плоды измененного сознания за «видения лучшего мира», где царят надежды, вера и милость. Наркотики и стали в новой реальности формой религии, помогающей человеку в результате биохимических процессов на массовом уровне достичь подвиги религиозного экстаза, не требуя приложения усилия духа и разума. В среде высших каст — альф, описанных в «О дивном новом мире», установилась норма поведения: *never complain never explain* (никогда не жалуйся, никогда не объясняй), негласное правило коммуникации с обществом. Представитель альфа не должен обществу ничего объяснять и оправдываться в совершении каких-либо действий, чтобы не впасть в депрессию. Наркотик заглушал чувство сожаления, раскаяния, совести, возможности анализа своих поступков, что предотвращало вольномыслие и давало иллюзию видения лучшего мира: «сомы грамм — и нету драм» [6, 66]. С целью усиления диктатуры правитель может использовать химические стимуляторы, чтобы «избежать недовольства со стороны подданных их рабским положением» [4, 118].

Немаловажным фактором воздействия на сознание человека является подсознательное внушение тех или иных необходимых государству правил поведения. Используя опыты австрийского невролога Петцля с тахистоскопами, на осознанно воспринимаемую информацию накладывается повторяющийся через определенное время рекламный слоган, включающий инстинкты подсознания, побуждающие че-

ловека неосознанно реагировать на слова и образы типа «Пейте кока-колу», «Закури Кэмел!» [4, 125]. Подсознательное внушение преодолевает порог сознания и становится, по словам Хаксли, «мощным инструментом манипуляции ничем не подозревающим сознанием» [4, 127]. Каким же образом коммерческая пропаганда используется в политических целях? Применяя научные достижения, диктатор будущего будет исходить из психологически ослабленного сопротивления человека и запустит «свои шепчущие машины» [4, 128] для воздействия во всех общественных местах, особенно на сильно внушаемые слои общества — детей, стариков и больных.

Чтобы расположить к себе разные слои населения, власть должна создать новую веру, основанную на подсознательном убеждении, что товар это и есть идея, эйдос, образец возможных вещей, неотделимых от материальной основы. Например, немецкие производители аспирина использовали в рекламных целях мощные своей духовной энергетикой образы Святой Троицы, святого Иосифа, Девы Марии, ангелов, зная, что для глубоко религиозного сознания излечение было «гарантировано Богом-отцом и его небесным воинством» [4, 130]. Материально внушаемая идея трансформируется в новую веру и выступает полезным суррогатом религии, связывая товар и человека имеющим сильное ценностное значение словом или образом, что облегчает манипуляцию сознанием. На бессознательном уровне «внушение преодолевает порог сознания» [4, 108], и человек теряет способность рассуждать и анализировать, то есть подвергать критике, сомнению то, что ему, как догму, предлагает коммерческая пропаганда.

Человеческое общество, в представлении Хаксли, формируется не социальными, а биологическими законами, генетической предопределенностью составляющих его индивидов, причем «наследственность играет не меньшую роль, чем культура» [4, 153]. Историю творят не массы, а отдельные, уникальные индивиды, обладающие специфическими «биохимическими особенностями организма» [4, 160]. Например, по мнению Хаксли, «если бы Бисмарк или Ленин умерли во младенчестве, то мир был бы сейчас не таким, каким он стал, благодаря отчасти Бисмарку и Ленину» [4, 159].

Выступая против единообразия индивидов, Хаксли опровергает сложившиеся нормы социальной этики, согласно которым, человек является продуктом «воспитания в условиях коллективного окружения» [4, 163]. В «О дивном новом мире» приемлемое для тоталитарных режимов поведение «обеспечивалось двойным процессом: генетическим манипулированием и послеродовым воспитанием» [4, 164]. С помощью биологических манипуляций «насилие над человеком должно совершаться незаметно, на досознательном уровне его формирования, в стадии не имеющего сознания эмбриона» [6, 73].

Хаксли теперь отстаивает иную точку зрения, пытаясь противостоять чрезмерно организованному обществу, считая, что именно индивидуальные различия делают человека уникальным, особенным по интеллектуальным, культурным, этническим, физиологическим признакам, устраняя тем самым «сглаживание» и приспособление всех к единым правилам и законам. Поскольку генетическая стандартизация индивидов невозможна, управление обществом в ближайшем будущем будет осуществляться методиками манипулирования сознанием.

Главной угрозой свободе, по мнению Хаксли, является психологический терроризм со стороны власти. В тоталитарном государстве рабство становится объективным, поскольку человек внешне не имеет физических ограничений и думает, что действует по своей воле, на самом же деле он бессознательно, под «психологическим принуждением» [4, 174] становится «жертвой манипуляций», но не осознает себя жертвой [4, 175]. Хаксли считает, что угрозами свободы в обществе являются «ускоряющееся перенаселение и усиливающаяся организация общества» [4, 176], побуждая власть мутировать и менять природу демократии, чтобы сохранить в реальности тоталитаризм. Вся система демократических ценностей искажается и постепенно превращается в гигантский симулякр, сохраняя лишь внешние формы народовластия: выборы, парламенты, верховные суды, лозунги и т.п. Схожую мысль выскажет в XXI в. французский антиутопист М. Уэльбек в романе «Покорность», утверждая, что «европейский человек превратился в средство манипуляции надгосударственными корпорациями, утратил национальную идентичность, по сути, превратившись в марионетку либерального глобализма» [18, 72].

Манипуляция сознанием масс и есть способ сохранения существующих правящих режимов, заставляющих поверить в то, чего нет в реальности. Идеальной формой организации общества в противостоянии жестким моделям организации государства могут стать «малые деревенские общины» или гуманизированные мегаполисы в духе классической демократии Джефферсона, которые позволят индивиду избежать чрезмерной организации и «духовного обнищания» [4, 182], а также помогут наладить сотрудничество внутри общин-коммун как полноценным личностям, избежав автоматизации. Но в то же время Хаксли признается, что сохранение демократии в условиях государственной деспотии невозможно даже при наличии знаний. Проблема заключается не столько в самой тоталитарной системе, охраняющей себя с помощью репрессивных методов, сколько в утрате обществом желания управлять собой.

Диалектику свободы Хаксли рассматривает сквозь призму легенды Ф. М. Достоевского о Великом инквизиторе. Ограничиваясь удовлетворением материальных потребностей, человек, по мнению

русского писателя, начинает понимать добровольное рабство как свободу: «Лучше поработите нас, но накормите нас», — так говорит Великий инквизитор у Достоевского, чьи слова приводит Хаксли [19, 285]. Можно сделать человека счастливым, дав ему иллюзию свободы, на чем и настаивает Великий инквизитор: «... наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми» [19, 283]. В отличие от Достоевского, Хаксли понимает свободу как абсолютную ценность, лежащую вне духа и ответственности, но необходимую для освобождения индивидуального сознания.

При этом Хаксли признает, что, почувствовав необходимость свободы, молодое поколение может презреть материальные блага и взамен кличу: «Дайте мне телевизор и гамбургеры, но не лезьте ко мне с ответственностью за свободу» бросить лозунг «Свобода или смерть» [4, 188]. Современные наследники Великого инквизитора действуют более продуктивно в силу лучшей информированности и научной подготовки. Если Великий инквизитор противопоставил Христу такие соблазны, как «чудо, тайну и авторитет» [4, 188], то современные диктаторы «добавили к этому списку науку и таким образом укрепили свою власть, манипулируя организмами эмбрионов, рефлексами младенцев, умами взрослых и детей» [5, 189]. Жизнеспособность диктатуры определяется ее способностью удовлетворять потребности населения в хлебе, зрелищах и умении манипулировать «индивидуальным и общественным сознанием» [4, 189]. Это умение приведет к выработке желательного поведения, и основная масса населения «искренне полюбит рабство» [4, 189], позабыв о революционной борьбе за свободу.

Современные последователи Хаксли не только в философии, социологии, но и в художественной литературе задумывались не столько над идеальными моделями государственного правления, сколько в духе критицизма и едкого сарказма переосмысливали существующие формы общественного устройства, не усматривая оптимистичных перспектив будущего для человечества. Определенно говорится только об исчезновении человека как субъекта истории: «... человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке», — таков пессимистический вывод французского структуралиста М. Фуко [20, 403].

Воздействие идей Хаксли отчетливо прослеживается в антиутопиях рубежа XX–XXI вв., среди авторов которых следует выделить М. Уэльбека, К. Исигуро, увидевших в достижениях естественных наук не только возможность развития биотехнологий, но своего рода завершение эволюции человека. М. Уэльбек в романе «Элементарные частицы» (1998) ставит проблему генетических изменений, необходимых для создания нового вида человекообразного существа с изначально заданными качествами: «ПЕРЕМЕНА СОВЕРШИТСЯ

НЕ В УМАХ, А В ГЕНАХ» [8]. Человек раздробляется до ДНК, что дает возможность создавать новые технологии для его клонирования. Реальный человек становится лишним и даже опасным в среде симулятивных имитаций, существующих как серийные «индустриальные объекты». Оригинал подменяется копией-клоном и в романе К. Исигуро «Не отпускай меня» (2005). В сознание современного общества внедряется мысль о том, что человек как биологический вид исчерпал себя, ему потребовалась замена на более совершенное в физическом отношении существо. В поисках некой универсальной любви, освобождающей разум от догматических понятий, а также установлению принципов всеобщего социального и биологического равенства псевдогуманист Исигуро стремится расширить восприятие мира человеком, включая в круг его интересов искусственно созданные живые формы как продукты новых технологий, соответствуя критерию «на благо всего сущего», даже если ради этого придется отказаться от человека вообще.

На примере антиутопического проекта Хаксли «Возвращение в дивный новый мир» можно видеть, как сужается пространство между теорией и экспериментом, стираются границы между добром и злом, иллюзией и реальностью. Мир вероятного будущего Хаксли выглядит устрашающе убедительным и осуществимым уже сейчас, в чем и заключается особенность современных антиутопий, пророчески обращенных к настоящему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли = Literary utopias from More to Huxley: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова / М. И. Шадурский. — Белорусский гос. ун-т, Филологический фак., Каф. зарубежной лит. — М.: URSS, 2007. — 159 с.
2. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. Ланин // Общественные науки и современность. — М.: 1993. — № 5. — С. 154–163.
3. Геворкян Э. Чем вымощена дорога в рай? Антипредисловие / Э. Геворкян // Антиутопии XX века: Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл. — М.: Кн. палата, 1989. С. 5–12.
4. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир / О. Хаксли [пер. с англ. А. Анваера]. — М.: АСТ, 2018. — 192 с.
5. Хаксли О. Контрапункт / О. Хаксли. [пер. с англ. И. Романович, Н. Русецкая]. — СПб.: Амфора, 1999. — 604 с.
6. Хаксли О. О дивный новый мир / О. Хаксли. [пер.

с англ. О. Сорокина]. — М.: АСТ, 2013. — 284 с.

7. Буль П. Планета обезьян / П. Буль. [пер. с англ. Ф. Мендельсон]. — М.: Эксмо, 2017. — 320 с.

8. Уэльбек М. Элементарные частицы / М. Уэльбек. — Режим доступа: http://www.libok.net/writer/2510/kniga/7331/uelbek_mishel/elementarnyie_chastitsyi/read (дата обращения: 01.02.2021).

9. Уэльбек М. Покорность / М. Уэльбек. [пер. с франц. М. Зониной]. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. — 312 с.

10. Исигуро Кадзуо. Не отпускай меня / Кадзуо Исигуро. [пер. с англ. Л. Ю. Мотылева]. — М.: Издательство «Э», 2018. — 352 с.

11. Беккет Б. Генезис 2075 / Б. Беккет. [пер. с англ. Вуль Никита А.]. — М.: СПб.: АСТ, Астрель, 2009. — 222 с.

12. Головачева И. В. Наука и литература: Археология научного знания Олдоса Хаксли / И. В. Головачева. Санкт-Петербургский гос. ун-т. — Санкт-Петербург: Фак. филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. — Режим доступа: <http://marsexxx.com/lit/golovatcheva-huxley.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

13. Уэллс Г. Современная утопия / Г. Уэллс // Завтра: Фантаст. альманах. 1991. Вып. 1. Режим доступа: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/89.txt> (дата обращения: 01.02.2021).

14. Спенсер Г. Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе / Г. Спенсер [пер. с англ.]. — М.: Социум, 2020. — 464 с.

15. Вебер А. Новая ситуация применительно к человеку и земле / А. Вебер // Избранное: Кризис европейской культуры. [пер. с нем. М. И. Левина, Т. Е. Егорова]. — СПб.: Университетская книга, 1998. — С. 205–212.

16. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. [пер. с англ. В. Голышева, Л. Беспалова]. — М.: АСТ, 2014. — 349 с.

17. Хаксли О. Наркотики, которые формируют умы людей / О. Хаксли. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/_Haxli_Narkota.php (дата обращения: 01.02.2021).

18. Стрельникова Л. Ю. Постмодернистская антиутопия М. Уэльбека «Покорность»: последний духовный кризис европейского мира / Л. Стрельникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 71–78.

19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. — Ленинград: Наука, 1991. — 697 с.

20. Фуко М. Психиатрия, этнология / М. Фуко. // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. [пер. с франц. В. П. Визгин, Н. С. Автономова]. — СПб.: А-сэд, 1994. — С. 392–405.

Армавирский государственный педагогический университет

*Стрельникова Л. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики
E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru*

*Armavir state pedagogical University
Strelnikova L. Y., Candidate of philological Sciences, assistant professor, associate Professor of the Department of national Philology and journalism
E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru.*